

Приехал я к жене с весом 50 кг и кучей проблем со здоровьем. С тревогой думал о дальнейшей работе. Что делать? Увольняться? В поле работать не смогу. Поехал в Дзержинск, руководство с участием отнеслось ко мне, и я был направлен в Горький в управление с просьбой дать мне стационарную кабинетную работу.

Не скажу, что начальник управления Евгений Иванович Тухтин отнёсся ко мне с сочувствием, скорее – с раздражением, прочитав мои медицинские документы: понапридумывали тут всякое, что мне с тобой делать?! Но, подождав в приёмной с полчаса, я получил новое место работы там же в здании Средне-Волжского геологического управления – старший инженер партии по геологоэкономическим исследованиям (ПЭИ). Так в сентябре 1962 года начался новый этап моей работы. Мой рабочий стаж тогда составил 2 года.

ПЭИ – небольшой отдел в составе 4 человек (вместе со мной). Основная работа сотрудников – проверка многочисленных проектов на производство различных геологоразведочных работ из пообъектного плана геологического управления, а также проверка правильности активировки выполненных объёмов работ. Каждый год – это многие десятки (возможно, сотни) проектов и смет к нам. Как правило, проекты составлялись авторами-геологами, наша задача – выявление недостатков проектирования и осмечивания работ. Конечно, я быстро освоил все методические материалы и справочники по проектированию и осмечиванию, работа пошла. Моя начальница – Левакова Нина Алексеевна – при всей напускной строгости была в сущности очень доброй женщиной, просто с большой ответственностью относилась к нашему делу.

Два других сотрудника – старый геолог лет шестидесяти – Уланов Иван Иванович и старший экономист Фонтенелев Николай Николаевич (того же возраста) – специалисты, прошедшие большую школу жизни. Иван Иванович много работал в поле, худой, жилистый, высокий, шутник и озорник, любитель выпить, в общении приятный и доброжелательный. О нём ходила байка, как он однажды получил выговор от начальника управления – тогда Преображенского. Иван Иванович работал в поле в Кировской области, в которой много необычных названий населённых пунктов. Говорили, что это во многом не только наследие угрофиннов, но и политических ссыльных, которых немало туда отправляли. Так вот, Иван Иванович отправляет начальству примерно такую телеграмму: ПРИБЫЛ ТУЖУ ЕДУ ПЕРЖУ ШЛИТЕ ДЕНЬГИ ВОЮ. И схлопотал выговор, хотя выяснилось, что Тужа, Пержа и Воя – населенные пункты

Кировской области. Хотя там есть названия и покруче – Жопиха, например; а есть и ещё суровее – но не рискну их здесь выписывать.

Николай Николаевич – невысокого росточка в очках, лысеватый, тоже остроумный шутник. Ему досталось в жизни «по полной программе». Когда был студентом ВУЗа в Ленинграде, в общежитии в одной из комнат ребята «травили» анекдоты (а это был где-то 37-ой год). Все, кто там был, – рассказывал Ник Ник, – сели по политической статье, кроме одного. Так Ник Ник «пропахал» в лагерях до начала 50-х годов.

Я быстро сдружился с ними. Они меня, пацана, звали уважительно – Алексей Маркович. Впрочем, как и Нина Алексеевна. Бывало, уходят на обед, оставляют мне свои немного недоделанные работы, просят потихоньку меня их закончить и исчезают на два-три часа. Приходят весёленькие (невдалеке была «рюмочная»). Нина Алексеевна строго их спрашивает: «Вы где были, безобразия, вы сегодня должны были закончить проверку двух проектов!» Старые грешники смотрят на меня, я подмигиваю, они отвечают – всё готово, мы тут немного задержались (у зубного врача и всякое т.п.).

Всё было нормально, пока Нина Алексеевна как-то не обнаружила, что работу завершал за них я. Был скандальчик. В общем, с работой у меня было всё в порядке. Парторг Давыдов Рэм Борисович поручил мне готовить и выпускать стенгазету, чем я занимался в конце рабочего времени. Застал как-то меня за этим занятием строгий суровый начальник управления Евгений Иванович Тухтин. И вместе с Давыдовым стали строго отчитывать, на что я ответил, что партбюро, на котором я получил это задание, тоже проходило в рабочее время.

– Ну, ты и нахал, – сказал Тухтин, погрозив пальцем.

С тех пор стенгазету я готовил после работы.

Из Казани ко мне приехала жёнушка. Она была на большом сроке беременности. Мы сняли недалеко от управления махонькую комнату в шесть квадратных метров без каких-либо удобств – только спальное место и тумбочка. Туалет – общий в коридоре. Умывались из кружки над ведром. В баню ходили на улицу Маяковского. Жилось нам очень туго. Оклад мне был положен 110 рублей – и это всё. Скромно обедали в диетической столовой у Кремля, завтрак и ужин – какой-нибудь лёгкий перекус в нашей каморке.

Два раза приезжала за мной скорая помощь – острые боли в животе – калькулёзный холецистит. Но – обходилось. Вообще-то, признаться, я сильно болел, у участкового врача шёл разговор о третьей группе инвалидности: сердце, суставы, позвоночник, ЖКТ и т.д. и т.п. Очень беспокоило то, что Сашеньке скоро рожать, а нам жить негде. Поехал в Дзержинск к старикам – тётке Маше и дяде Саше. Без разговоров приняли они нас как родных, отдав свою единственную непроходную спальню. А я пошёл к начальнику управления Е.И. Тухтину отдать заявление на квартиру, ведь я – молодой специалист, должен быть в льготной очереди. Тухтин посмотрел на моё заявление и сказал грозно: «Чего-о-о? Без году неделя работает, и подавай ему квартиру? Пошёл вон!»

Увы, это был стиль нашего высшего руководителя. Говорили, что таким он стал после Великой Отечественной войны, на которую пошёл добровольцем и закончил майором. Как ошпаренный вылетел я от него, горло перехватила обида, чуть не зарыдал. Что же делать?! Пошёл домой к Виктору Андреевичу Пустошилову, который к тому времени стал начальником Горьковской ГРЭ. Жил он с женой Светланой и дочкой недалеко от управления на улице Маяковского. Вечером пришёл к нему. Жили они в длинной комнате трамваем с окнами на обе противоположные стороны, у одного окна место для кухни. Неказистая квартирка.

Приняли меня участливо, накормили голодного, рассказал я о посещении Тухтина. Светлана сказала: «Витя, что-то надо делать!»

– Да знаю я, – ответил он. – Вот что, приезжай завтра ко мне в Дзержинск днём, отпросись у Леваковой, что-нибудь придумаем.

Назавтра я был у него. Виктор Андреевич пригласил парторга и председателя профкома, говорит: «Мужики, что будем делать? Он здоровье у нас потерял. Работал хорошо, с полной самоотдачей». Все молчат. Тогда Виктор Андреевич продолжил: «Через два месяца сдаём двадцатиквартирный подъезд, я предлагаю одну квартиру отдать Коломийцу».

Ему отвечают: «А закон? Он ведь у нас уже не работает!»

– Это моё дело, главное, чтобы вы не возражали, – ответил Пустошилов.

Вышел я из кабинета окрылённый, хотя ещё далеко не был уверен в положительном решении. И мы с Сашенькой стали с нетерпением ждать. Наконец Пустошилов вызывает меня (с женой!) к себе в экспедицию. Спрашивает Сашу: «Когда рожать?»

– Через две недели, – отвечает она.

– Всё, поехали в Дзержинский горисполком к Филиппову (председателю горисполкома).

Оказывается, в экспедиции нам решили выделить двухкомнатную квартиру (!), а горисполком не подписывает ордер, так как всего два члена семьи. С Виктором Андреевичем зашли в приёмную, он к Филиппову, через пару минут открывает дверь и зовёт Сашеньку: «Заходи!»

В это время выходит и сам Филиппов. Виктор Андреевич говорит: «Видите, тут три члена семьи. Пока документы оформляют, она уже родит!»

– Ладно, – отвечает председатель Горисполкома, – отдам команду, чтобы оформили им ордер на двухкомнатную.

Представляете, какова была наша радость?! Готовы были обнять и расцеловать Виктора Андреевича! Потом ему попало от Тухтина (но мне он об этом не говорил). Так в ноябре 1962 года стали хозяевами квартиры в новостройке Дзержинска по улице Грибоедова.

В роддом я супругу отправил от дяди Саши и тёти Маши, а привёл с жданной доченькой Оксаной в нашу квартиру. Счастью не было границ.

Спали с женой на полу на моём (или – в моём) спальном мешке, Оксаночка – в чемодане. Когда месяц спустя Пустошилов с председателем профкома Колосовым обходили квартиры в нашем подъезде – посмотреть, как устроились новые жильцы, зашли они и к нам. Спрашивают: «Что, ещё не успели завезти мебель?» Отвечаем: «Нам нечего завозить, денег не накопили».

Единственная мебель тогда у нас появилась – табуретка, которую купили на рынке. Неся табуретку домой, часто радостно присаживались на неё.

Пустошилов, помолчав, сказал:

– Ладно, завтра приезжай к нам в экспедицию.

Назавтра – я у них, Пустошилов вызывает Грязнова, начальника стройучастка:

– Сколоти из чистых досок тахту на двух человек. Чтоб завтра была готова, выпишем небольшой счёт.

Назавтра прихожу я в стройучасток, тахта готова, и Грязнов предъявляет мне счёт на 100 рублей! При моём окладе 110. Я в ужасе иду к Пустошилову, он глянул в счёт, кричит секретарю: «Маша, вызови Грязнова». Тот приходит.

– Как, хорошая тахта?

– Добротная.

– Вот что, – продолжает Пустошилов, – мы передумали. Ты себе дачу строишь, наворовал, небось, стройматериалов у нас, вот и купи эту тахту себе! Ты чего наворочал? 100 рублей!! Цена-то ей красная – десятка, не больше.

В общем, поднадавал он зардевшемуся Грязнову, а тахту отвезли нам домой на автомашине экспедиции – и уже бесплатно. На той удобной тахте спустя 6 лет сделали мы с супругой себе ещё и сына, а за все эти добрые дела остаёмся мы благодарными Пустошилову Виктору Андрее-

вичу всю свою жизнь (мир праху его!). Много потом пробежало между нами всякого, но те поступки Виктора Андреевича – доминанта моего искреннего уважения к нему и сейчас.

Дочка вскоре заболела – острый отит после прививки, положили в детскую больницу. Каждый вечер я стирал пелёнки и сушил их ночью на батареях водяного отопления, готовил что-то из пищи и рано утром отвозил всё в больницу, забирал кучу грязных пелёнок, отвозил домой и – на электричку. Добраться до работы уходило два часа. Страшно уставал, не высыпался, и когда Сашу с доченькой выписали из больницы, созвонился с отцом и отправил в конце марта 1963 года обеих моих девочек в Ужгород поездом с пересадкой в Москве. Как она добиралась с постоянно плачущей Оксаночкой – это особый рассказ. Не буду его отнимать у супруги.

А я погрузился в работу. Ко мне и раньше обращались авторы проектов с просьбой – сделать для них проект и смету – за деньги. Я отказывался, но вот однажды согласился поработать в выходные дни. Надо было деньги жене в Ужгород посылать (хотя папа говорил по телефону – не шай денег, справимся). Но я не мог иначе. Подрядился по просьбе Хайрутдинова Фрида Гаязовича сделать проект и смету на лист геологической съёмки. Через месяц работа была готова, я отдал её Фриду. Он сказал, что деньги чуть попозже. А когда я попозже ещё и ещё стал спрашивать его, он мне, в конце концов, сказал: денег я тебе не дам, это незаконный заработок, да и где я их тебе возьму! Так тоже бывает!

Посмотрели бы вы в глаза этому человеку попозже, когда я стал его начальником. Пытался извиняться, даже отдать деньги, но я, понятно, не взял. Как ему было стыдно и боязно – а вдруг буду мстить. Жалко мне таких людей, их так и зовут – жалкие люди.

Позднее я помогал, и часто, другим геологам, но денег уже не просил, делал бесплатно. Впрочем, это, в итоге, хорошо мне откликнулось несколько позднее.

Летний отпуск провёл я у своих родителей с Сашенькой и восьмимесячной Оксаночкой, которая уже тогда, очень рано, начала ходить. После отпуска вновь врубился в работу. Кроме проверки проектов и смет, ПЭИ занималась также проверкой правильности активирования выполненных работ. Для геологов – это была весьма болезненная тема, потому что в результате проверок с выполнения снимались, как неправильно заактивированные, большие суммы. То же и с проектами, сметами. Производственно-технический отдел выбрасывал из проектов, по его мнению, не нужные или излишние объёмы работ, а мы, ПЭИ, из смет снимали соответствующие суммы. Мне всегда это не нравилось, потому что снимали объёмы иногда правильно, иногда – неправильно, с моей точки зрения, но никогда ПТО и ПЭИ не подсказывали геологам, где они недоактивировали, упустили. Я эту практику прекратил. При проверках проектов и смет, а также правильности активирования выполненных работ не только находил завышение объёмов, но и занижение. Рекомендовал включить дополнительные необходимые объёмы работ. Часто в моих актах суммы рекомендованных объёмов работ превышали снимаемые объёмы.

У меня возник постоянный и длительный конфликт по этой теме с начальником ПТО Ёлкиным Николаем Ивановичем. Грамотный инженер-буровик, он уверенно находил излишние объёмы, но никогда не рекомендовал включить упущенные:

– Пусть сами думают!

Я возражал: «Они хорошие геологи, а к составлению проектов и смет приступают редко, у них нет хорошей практики, мы обязаны им подсказывать».

Ясно, что отношение ко мне со стороны производственных организаций было хорошее. Единственное, что меня выбивало из колеи – обострение болезней. Каждую весну и осень лежал в больницах Дзержинска

с обострением ревмокардита и ревматизма, семь раз лечил воспаление лёгких. Мучало безденежье.

После окончания декретного отпуска вышла на работу жена. Стало жить полегче. Да, где-то через полгода после получения квартиры моя Сашенька не однажды видела в окно (мы жили на первом этаже) молодую женщину с коляской, похожую на медсестру, с которой она работала в Казани. Наконец, решилась, вышла на улицу и спросила:

– Люся, это ты?

Та радостно ответила:

– Да! Саша, а как ты здесь оказалась?

Так мы обрели в Дзержинске надолго семью друзей – Люсю и Славу Никифоровых.

Работа моя продолжалась. Однажды вызывает меня Тухтин и говорит: направляю тебя в Тематическую экспедицию на улице Республиканской. Будете под руководством Аркадия Юрьевича Тутевича составлять работу по переносу кондиций на фосфориты Гилёвского участка на Сординский и Верхне-Нырмычский участки Вятско-Камского месторождения, что в Кировской области.

– Да я в этом ничего не понимаю.

– Ничего, разберешься.

Так начался третий этап моей производственной жизни. В научно-производственной тематической экспедиции сосредотачивались все работы околонуучного плана (начальник – Жилевский Борис Фёдорович). Там работали в основном опытные пожилые геологи, была и молодёжь. Аркадий Юрьевич Тутевич – симпатичный, крепкий, весёлый украинец лет сорока, был геологом высокого класса, работал и на Дальнем Востоке и у нас в Поволжье. Позднее я узнал, что у него прекрасный, почти профессиональный баритон, а сам он необыкновенно любознательный и увлекающийся человек. Например, легко освоил самые трудные асны йоги.

В созданной тематической группе № 14 под руководством А.Ю. Тутевича начали работу я – старший инженер, Олег Веретенников – старший геолог и Нина Потапова – техник-геолог. Олег и Нина – моего возраста. Цельный месяц изучали мы кондиции, сделанные ранее для Гилёвского участка Вятско-Камского месторождения Ленинградским институтом геологии химсырья (ГИГХС).

Солидный объём геологического материала, огромный объём работ по проектированию технологических ступеней карьерной добычи, расчёты потребляемой электроэнергетики и расчёты выбора ЛЭП, трансформаторов и многое другое. Стало видно, что предстояло выполнить огромный объём работ. Ещё через месяц я приступил к техническим и технологическим расчётам. Аркадий Юрьевич пришёл к Тухтину и сказал: «Мне там делать нечего, Коломиец справится сам». Правда, Тухтин сразу его не отпустил, но, тем не менее, вся расчётная работа легла на меня. Это было интересно, но очень тяжело. Конечно, помогли лекции МГРИ, много изучил справочной литературы. Олег делал геологию, Нина – оформление чертежей и карт.

Наконец, все расчёты и обоснования я завершил, отчёт был направлен в Государственную комиссию по запасам (ГКЗ). Отчёт защищал я. На пленарном заседании грозный могучий Борзунов спросил экспертов: есть замечания? Отвечают: нет, работа выполнена качественно. Тогда Борзунов посмотрел на меня и произнёс: «Вот этот пацан выполнил верно все расчёты, которые ранее делал институт – ГИГХС?» Я ответил: «Да, это я делал». «Чудеса!» – сказал Борзунов.

Отчёт был принят успешно, а я тогда узнал, что это был первый прецедент, когда кондиции делал не проектный институт, а, по сути, один инженер.

Приехал окрылённый в Горький, Тухтин объявил мне благодарность, но премию мы не получили, постеснялся тогда поднимать этот вопрос.

Вскоре нам дано второе задание – выполнить работу по переносу кондиций на фосфориты с только что выполненного нами отчёта по Сординскому и Верхне-Нормычскому участкам – на Гидаевский участок Вятско-Камского месторождения. Это была уже рутинная работа, все «подводные камни» мы уже знали и выполнили работу за 6 месяцев, потом – экспертизы,.techпроверки и в августе я вновь защищал этот отчёт в ГКЗ у того же Борзунова, который меня узнал, улыбнулся и подал руку: «На конвейер поставил работу?» Я ответил: «Можно сказать – да!»

Защита опять прошла успешно – без замечаний и исправлений. Вернулся домой, получил благодарность, и опять без премии. Тут уж я решил бороться. Проверил в плановом отделе все активировки, выбрал все затраты (опыт работы в ПЭУ сильно помог) и увидел, что нас «обошли». Рапорт с расчётами – Жилевскому, тяжёлый разговор, моя угроза рапорта Тухтину, и наша радостная группа получает на троих 900 рублей премии. Очень даже хорошие по тем временам деньги!

Съездили мы с женой и дочкой в отпуск к родителям в Ужгород. Первые показал молодой супруге чудесные места Закарпатья. Пешком прошли мы многие километры по горным долинам, взбирались на полонины и вершины Карпат. Чудесный край, там прошло моё детство. Закарпатье ощущаю до сих пор своей малой родиной, хотя родился в Приморском крае.

По возвращении из отпуска вызывает меня Тухтин:

– Поедешь главным инженером Горьковской геолого-разведочной экспедиции в Дзержинск?

Ошеломлённый, я пролепетал: «Надо осмыслить!»

– Что?! Тебе ещё надо осмыслить?! Пошёл вон, сопляк!!!

Да, это был стиль Евгения Ивановича.

Вскоре ко мне приехали начальник Горьковской ГРЭ, назначенный полгода назад 29-летний Алексей Арсентьевич Котов, и 32-летний главный геолог Владимир Фёдорович Табачков, тоже работающий не более года. Сказали, что это они просили Тухтина назначить меня к ним главным инженером. Дело в том, что я, живя в Дзержинске в «доме геологов», постоянно общался с ребятами из этой экспедиции, помогал писать проекты, считать сметы, подсказывал, какую технологию бурения выбрать на каком-то участке. Однажды просидел субботу и воскресенье у них в конторе, помог просчитать очередной съёмочный проект. Бывший главный инженер Жданов, человек непрофессиональный и бесхарактерный, уволился, когда его однажды избили буровики за его нелепые требования в одной из буровых бригад.

Так вот, Тухтин не вызывал меня к себе целый месяц. За это время он предлагал должность главного инженера экспедиции начальнику Чувашской партии Петру Павловичу Салию, потом – старшему инженеру ПТО Александру Ивановичу Балашову. Те ездили в Дзержинск, какие там у них были разговоры, я не знаю. Но оба, в итоге, отказывались.

Наконец, 4 сентября 1965 года вновь вызывает меня Тухтин, ничего не спрашивая, вручает приказ:

– Езжай в Дзержинск главным инженером!

Как пуля, выскочил я из кабинета Тухтина!

Начался новый этап моей производственной жизни. Двадцать шесть лет, я – главный инженер крупной геологосъёмочной экспедиции, выполняющей разнообразные региональные работы на обширной территории Поволжья и Прикамья – в Удмуртии и Татарии, Чувашии и Марийском крае, в Мордовии и областях – Кировской и Горьковской. Я был взволнован, воодушевлён, но и встревожен: справлюсь ли, с чего начинать, как себя вести, и много разных беспокоящих вопросов.

Всё-таки хочу вернуться к Е.И. Тухтину. Я уже писал о весьма грубом, неуважительном его обращении с подчинёнными, особенно с молодыми. В его кабинете никто не мог сесть. Все разговоры – стоя. Но сейчас, спустя много лет, должен сказать, что Е.И. Тухтин обладал достойными

деловыми качествами. Умело подбирал кандидатуры на руководящие должности, причём не боялся доверять молодым. По-моему, у него не было назначенческих ошибок. В составе управления было полтора десятка геологических организаций, самому возрастному из начальников, подчинённых управлению – Кировской нефтеразведочной экспедиции Побину – было около 35 лет. Остальные – моложе.

Евгений Иванович Тухтин вёл тщательно заполняемые им записные книжки по кадрам, по геологическим вопросам, по производству, по экономике. Всё разлинеено, аккуратно выписано. Было чему учиться. К сожалению, серьёзная «ложка дёгтя» портила его репутацию. Мы его не боялись, но не любили. И ещё: ему нравилось наказывать рублём – лишая за любые просчёты (в том числе надуманные) денежных премий и приработков. Это несправедливо и унижительно.

Прежде, чем перейти к рассказу о моей работе главным инженером Горьковской геологоразведочной экспедиции, хочу подвести некоторые итоги по моей работе в Горьком – в ПЭИ и Тематической экспедиции. Я хорошо изучил проектно-сметное дело, что важно для экспедиции. Все проекты на геологоразведочные работы в Управлении защищал теперь я (да и участвовал в подготовке их). В Горьком хорошо познакомился со всеми сотрудниками Управления, обрёл добрых соратников. Работая в ПЭИ, неоднократно бывал в подчинённых Управлению экспедициях с проверкой активирования выполненных объёмов работ, где заслужил уважение руководителей тем, что не только выявлял ошибки в завышении активировок, но находил где терялись деньги. Например, в Мордовской партии обнаружил, что при разведке подземных вод для города Саранска при бурении скважин с начальным диаметром труб 20 расценки были весьма занижены, так как в СУСНах не были такие расценки предусмотрены. По просьбе Барамидзе (начальника партии) там же в Саранске в субботу сделал необходимые расчёты, которые потом утвердили в Управлении, дополнительно добавив хорошие деньги к выполнению. А благодарный грузин затащил меня в воскресенье в ресторан.

В Горьком получил опыт общения с ГКЗ и Министерством геологии РФ (при защите своих фосфоритных отчётов), вновь вернулся к спортивным занятиям. Заиграл в настольный теннис (заработал 2-ой разряд). И, наконец, системная кабинетная работа наряду с возвратом к спорту помогла укрепить здоровье.

Итак, в 1965 году, через пять лет после окончания института, в 26-летнем возрасте приступил к ответственной работе – главным инженером Горьковской геологоразведочной экспедиции. Это было одно из крупнейших подразделений Средне-Волжского геологического управления. Оно занималось выполнением разнообразных региональных работ: геологическая съёмка масштаба 1:200 000, 1:50 000, гидрогеологическая съёмка такого же масштаба, были объекты инженерно-мелиоративной съёмки и ряд тематических работ. И ещё была партия, которая занималась поисками и разведкой нерудного сырья для стройиндустрии (пески, глины, строительный камень) и сельского хозяйства (с ... и сырьё для известкования кислых почв).

В экспедиции работало около 500 специалистов, в основном, молодёжь, в поле трудилось 30 бригад колонкового механического бурения, пять бригад ручного бурения, а также шурфовщики, канавщики и другие специалисты геологического производства (механики, трактористы, водители и т.д.). Ну, и масса различных технических средств. Вот в этот коллектив и в это производство мне предстояло срочно влиться, вникнуть, понять его и освоить.

Когда в начале сентября приехал в Дзержинск к 29-летнему начальнику экспедиции Котову Алексею Арсентьевичу, поздоровались, отдал я ему приказ о моём назначении, о котором он знал, и спросил:

– Алексей, подскажите, с чего начинать работу?

Он ответил: «Если бы я знал! Сам без году неделя как стал начальником. Тут ведь не только геология, которой я в поле занимался семь лет, но и масса другой работы. Твой кабинет напротив, занимай его, и начнём вместе осваивать дела. И ещё одно – с этого дня мы с тобой и с Табачковым на ты. Я – Арсентьич, Володя – Фёдорыч, ты – Маркович. Договорились?»

Из аппарата производственной службы экспедиции в моём подчинении на то время был упоминавшийся ранее, теперь уже главный механик Андреев Евгений Андреевич и завмехмастерской Асадуллин Юрий Михайлович. Пришлось срочно вызвать из поля старого дружка Станислава Рыбина, который стал моим заместителем по технике безопасности, и Виктора Преподобного, который занял должность старшего инженера по бурению. Все примерно мои ровесники, техники по образованию.

Сложился дружный старательный ответственный коллектив единомышленников, с которыми было приятно работать. Вскоре завгаром я назначил тоже уже упоминавшегося водителя Геннадия Тезикова, который только что закончил заочно автотранспортный техникум. Первое серьёзное испытание было у меня во второй половине октября 1965 года. Из районного центра Нагорска Кировской области позвонил начальник отряда Курушин – не может переправить буровую установку УРБ-ЗАМ через реку Кобра, потому что пошла шуга.

Арсентьич говорит мне:

– Маркович, надо тебе туда поехать, разобраться, в чём дело. У этого отряда (Поломского) срочная задача – немедленно приступить к бурению 500-метровой скважины для заверки обнаруженной при геологосъёмочных работах аномалии. Кровь из носу – мы должны первую скважину в этом году пробурить. Если не начнём в этом году, – катастрофа, нам головы снимают. Важнейшее задание – заверка аномалии, а станок будет стоять в Нагорском, пока капитально не перемёрзнет Кобра! Возьми в спутники экономиста Дёмина Евгения Сергеевича, он там в поле поработал, места хорошо знает.

Выехали на поезде в Киров, оттуда с пересадкой в Полом. Как добраться до Нагорского? Обычно туда летал самолёт и ходил рейсовый автобус. Но поднялась такая пурга, что ни один вид транспорта не работал. И мы с Евгением Сергеевичем решили идти пешком, просидев сутки в гостинице. Это было опрометчивое решение. Евгению Сергеевичу было под шестьдесят, участник Великой Отечественной войны с тяжёлым ранением руки. Несмотря на то, что нам предстояло пройти всего 28 км по дороге, хотя и замётённой пургой, задача эта оказалась очень трудной.

Мы в полушубках, сверху надеты геологические брезентовые плащи с капюшонами. С трудом двигались по дороге. Вышли в первой половине дня (часов в 10 утра), до темноты до Нагорского не дошли. Встречный ветер плотным снегом залеплял лица, ноги в валенках, по пояс проваливались в наметённые заносы. Начали одолевать трудные участки ползком. Сколько это длилось – потеряли счёт времени. К ночи, слышим, нас догоняет лошадь с санями, в ней человек. Мы встали – две зловещие фигуры в капюшонах – и возница заорал на лошадь, хлестанул её и умчался от нас. Евгений Сергеевич сказал мне:

– Я больше идти не могу, оставь меня, иди один, если найдёшь Нагорск, тогда заберёте и меня.

Идти он совсем не мог, лёг в снег. Я попытался уговорить его, наконец, он стал ползти с моей помощью. К счастью, где-то через полчаса доползли до спуска с холма и увидели огни Нагорска. Кое-как добрались до гостиницы, где нас ждали ребята – буровики и пьяный начальник отряда Курушин.

Наутро распогодилось. Пурга утихла, появилось яркое солнышко, и в Нагорск прилетел АН на лыжах. Я отправил на нём серьёзно заболевшего Е.С. Дёмина и Курушина, потому что увидел, что тот бездельничал, пьянствовал и не предпринимал никаких усилий по выполнению зада-

ния. Провёл разведку – оказывается, паром через Кобру, несмотря на шугу, ещё ходил, паромщик после недолгих переговоров – за мзду – согласился переправить установку на другой берег. Но надо ещё добраться до парома! Ведь десятикилометровая дорога от Нагорского до паромной переправы – сплошные глубокие колдобины, заполненные грязной жижей и покрытые семисантиметровой ледяной коркой!

Первый секретарь Нагорского райкома КПСС сразу понял серьёзность задачи и дал команду соседнему леспромхозу выделить два трактора, чтобы дотащить буровую до переправы. Рано утром колонна двинулась в путь. Довольно быстро почти дотащилась до Кобры. Но метрах в пятистах от переправы в одной из глубоких ям трактора вырвали передний мост у автомашины буровой установки (буксировочные троса были для надёжности закреплены на нём), и она клюнула носом в смесь ледяных глыб и грязи.

Беда! Буровики попытались вытащить установку тракторами, закрепив троса за платформу, но установка только глубже зарывалась в грязе-ледяное месиво. Это поняли все, но разве мог я просить кого-то лезть в эту жуткую купель?!

– Ладно, Маркович, не страдай. Я сделаю, – улыбнулся Коля Жилин, наш добрый приятель, красивый атлетичный молодой буровик. Так он ответил на мой немой незаданный вопрос.

Буровики споро повытаскивали из лужи раздробленные ледяные глыбы, затем с замирающими сердцами следили за тем, как раз за разом занырявал Коля в грязь, подводя троса за опоры где-то внизу под автомашиной. После, пока трактористы надёжно крепили концы тросов, бригада дружно обмывала дрожащего Колю, покрытого с ног до головы густой грязью, горячей водой, нагретой в вагончике на печурке. Налили Коле и стакан водки. Первое дело – после такого купания!

И вот мы на переправе. Широкая быстрая Кобра вся покрыта шугой. Паромщик с глубоким сомнением обошёл буровую установку:

– Слушай, начальник, ты сказал, что в ней семь тонн, а я вижу, что много больше!

– Ладно, если честно, то девять, – сказал я (на самом деле – двенадцать!).

– Я не пущу её на паром – затонем.

Минут десять уговаривал паромщика, добавил ещё сто пятьдесят рублей – отдам на той стороне! – и паромщик согласился.

Установка не съехала с причала на паром, а рухнула, потому что паром сразу погрузился до поверхности реки, вода стала переплёскивать через палубу. Паромщик стоял молча, остолбеневший, белее мела. Паром двинулся. Отчаянные бывалые буровики дружно расталкивали напирющую шугу заранее заготовленными длинными шестами. Мною овладело напряжённое шальное ожидание, но была уверенность – всё будет в порядке. Наконец, противоположный берег. Деревянный причал – выше палубы парома сантиметров на шестьдесят. Решаем – ситуация очень опасная, демонтировать причал не будем, вытаскиваем установку ожидающим там трактором на берег, сметая причал. Восстановим потом.

Буровая на берегу! Ликует бригада! Подхожу к паромщику и отдаю причитающийся гонорар. Тот неожиданно швыряет деньги в грязь и начинает яростно топтать их сапогами. С трудом, кое-как успокаиваем его. Я думаю: «Решена ещё одна производственная задача. Боже мой, какие же они герои, мои буровики!»

Конечно, нынче в зрелом возрасте я думаю, а решился бы на такой рискованный поступок сейчас? Ответа нет. Но, Слава Богу, всё тогда получилось, буровая приступила к работе, первая 500-метровая скважина под руководством нового начальника отряда Павла Ивановича Мешкова была к Новому году пробурена.

Продолжение следует